

Чуваки

Правдивые истории

18+

Евгений Горохов

Евгений Горохов

Чуваки. Правдивые истории

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Горохов Е. П.

Чуваки. Правдивые истории / Е. П. Горохов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

В посёлке Чуваки живут обыкновенные люди, но с ними происходят удивительные истории. Начальник полиции считает, что в Чуваках действует мафия и он ищет её следы. Жена Каца кладёт его в наркологическую клинику в городе, из которой Кац сбегает и селится у кладбищенского сторожа. По ночам Кац выходит погулять по кладбищу и его принимают за призрак. Полицейские начинают охоту за призраком и происходят забавные истории. Неля в отсутствии мужа тайно отправляется в город на романтическое свидание, а начальник полиции считает, что с ней расправилась мафия. Он начинает расследование.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

18

Гамлет – чувак датский.

Много в России мест с интересными названиями, например, есть в Ивановской области деревня с наименованием: «Хреново». Не знаю хреново жить в той деревни или нет, но название говорит само за себя. Под Ростовом, есть посёлок именуемый: «Весёлая жизнь», конечно так и тянет поселиться там. А как же? Каждый хочет жить в весёлой жизни.

Наш посёлок Чуваки из той же серии. Откуда появилось такое название, я сказать не берусь. Живут в нашем посёлке разные чуваки. Есть, к примеру, интересный персонаж, которого все зовут Пахомыч. Вот уж у кого завихрений в башке столько, что просто диву даёшься. Вроде и лет-то мужику больше полтинника, должен бы уж ума набраться, а иной раз послушаешь, что городит, просто диву даёшься.

Про себя Пахомыч говорит, что он истинный интеллигент. Объясняет это так: дескать, имеет он за плечами три университетских образования. Первый университет это МГУ, который Пахомыч закончил в молодости. Второй университет тюремный. От большого ума, Пахомыч отмотал три срока: за фарцовку, валютные операции и мошенничество. Ну а третий университет, это сама жизнь, которая у Пахомыча была весьма поучительная.

Сейчас Пахомыч работает сторожем на складе пиломатериалов, где одна фирма изготавливает бани-бочки. В одной из таких бань-бочек находится его сторожка. Пахомыч любитель выпить. Вот только бухать с ним мне не нравится. Попытаюсь объяснить почему. Что есть главного в нашем российском застолье? Неважно где оно происходит: в рюмочной, в кустах за гаражами или в строительной бытовке. Основное в таком мероприятии, это беседа индивидуумов с различным интеллектуальным уровнем и жизненным опытом. В процессе потребления горячительной жидкости, происходит духовное единение людей, или наоборот сталкиваются две противоположные жизненные позиции, и дело заканчивается мордобоем. Но это уже эксцесс. Я же говорю о единении людей во время совместного питания.

С Пахомычем у меня такого единения не происходит, сколько бы водки мы не выпили, а всё из-за его заносчивости. Только по телу пробежит приятная волна от первых выпитых сто граммов и мозг раскрепостится, зашевелятся там умные мысли, которыми непременно хочется поделиться. Начнёшь обсуждать животрепещущие темы, такие как: изменяет ли молодая жена восьмидесятилетнему артисту Ивану Краско, или начнёшь обсуждать развод Армена Джигарханяна, и тут Пахомыч обломает весь кайф. Заявит, что эти разговоры «свидетельство примитивизма и быдлачества». Ну, скажите, кому это придётся по душе?

Мало кому у нас в Чуваках, нравится выпивать с Пахомычем и слушать его разговоры, о каком-то колайдере или подтверждении теории «большого взрыва».

Впрочем, есть у него два друга, его постоянные собутыльники: это Семён Моисеевич Кац, учитель труда в поселковой школе, и другой учитель, только уже рисования, Павел Павлович Репнин. Они-то выпивать с Пахомычем любят. Вот с такой их совместной пьянки и началась эта история.

В тот тёплый майский день, троица собралась у Пахомыча. Разложив на столике литр водки, банку тридцатирублёвой кильки в томате и краюху хлеба, приготовились к заумным разговорам. Опрокинув первые сто грамм, Кац спросил:

– Не пойму я Пахомыч, почему все тебя Диогеном зовут?

– Сеня, ты же педагог! – с укором произнёс Пахомыч. – Хоть ты и трудовик, но должен младое поколение обучать не только рубанок в руках держать, а прививать им тягу к знаниям.

– Причём тут моя специальность? – как всякий нормальный человек, Кац не понял заумных речей Пахомыча.

– А притом, – стукнул ладонью по газетке Пахомыч, – что тебе как педагогу, должно быть известно, кто такой Диоген.

– В Древней Греции, – стал просвещать друга Репнин, – жил такой философ по имени Диоген. Станный, был субъект этот самый Диоген.

- Чем же он был странный? – полюбопытствовал Кац, разливая водку по стаканам.
- Он презирал золото и был таким бедным, что не имел своего жилища, – продолжил Пахомыч, – жил Диоген в обыкновенной бочке. Я так же сплю в бочке-бане, поэтому местные острословы прозвали меня Диогеном.
- Замечательная личность был этот Диоген, – добавил Репнин, опрокинув в рот стакан водки.
- Чем же БОМЖ может быть замечательным? – Кац так же как его друг, залпом выпил свою водку.
- Простого БОМЖа люди не будут помнить две с половиной тысячи лет, – поморщившись, Репнин стал жевать бутерброд с килькой.
- Однажды царь Александр Македонский, – сказал Пахомыч, делая при этом бутерброд с килькой себе и Кацу, – предложил Диогену много золота, за то что бы он обучал царя философии.
- Диоген согласился? – Кац был любознательным, потому и дружил с Пахомычем.
- Философ ответил царю: «Отойди Александр! Ты загораживаешь мне Солнце», – ответил Пахомыч.
- А как-то раз он бегал с факелом по городу и кричал, что ищет человека, – вспомнил Репнин.
- Как звали того человека? – поинтересовался Семён Моисеевич.
- В том то и шутка, – развёл руками Репнин, – среди людей он искал человека.
- Так он что слепой был?! – не понял Кац.
- Нет, – покачал головой Пахомыч, – он лишь этим хотел сказать, что не каждый индивидуум может зваться человеком.
- Большой оригинал был этот Диоген, – вздохнул Кац, разливая по стаканам остатки водки из первой бутылки. Он провозгласил тост: – Предлагаю выпить за умных и образованных людей. Стало быть, за всех нас, сидящих за этим столом.
- Тост вызвал одобрение у компании, однако, дальнейшее обсуждение поведения Диогена пришлось прекратить. На велосипеде к ним ехала девочка.
- Это Оля, – с расстояния в сто метров, узнал её Кац.
- У Семёна Моисеевича две дочери – близняшки: Оля и Таня. Им по двенадцати лет. Даже вблизи никто у нас в Чуваках не может их различить. Пахомыч принялся было прятать бутылки со стола, но Кац остановил его:
- Не надо, – сказал он, – Оля не выдаст.
- Тем временем девочка подъехала к троице философов, поздоровавшись с Репниным и Пахомычем, она сказала отцу:
- Папа, мама послал меня к тебе в школу, но я как чувствовала, и прямо сюда приехала.
- Что мама велела передать? – осведомился у девочки нетрезвый родитель.
- Нужно что бы ты сходил к бабуле Розе и отремонтировал ей замок на входной двери, – ответила Оля.
- Жена Каца работает главным врачом в нашей больнице. Она хороший врач, вот только вылечить собственного мужа от неприличной болезни, именуемой, алкоголизмом, пока ей не удаётся.
- Хорошо Оленька, я всё сделаю, – кивнул Семён Моисеевич, – только ты доченька меня не видела.
- Не маленькая, уже поняла, – кивнула девочка и поехала назад к Чувакам.
- Поспешим же и мы за ней, ибо что-то мне порядком надоели эти спившиеся интеллигенты.
- Въехав в посёлок, девочка покатила по главной улице, мимо кирпичного, одноэтажного здания, у входа в которое висит грозная табличка: «Поселковое отделение полиции «Чуваки»».

На крыльце здания стоял полицейский с майорскими погонами на плечах и курил. Когда Оля поздоровалась с ним, он лишь осведомился, как её зовут: Оля или Таня?

Лицо у этого полицейского было несколько простоватым, можно даже сказать глупым. Вследствие чего, не знающий его человек впадал в заблуждение, считая этого майора придурком. Многие криминальные личности после этого сожалели о своей ошибке. Полицейский этот – наш участковый уполномоченный Александр Александрович Лютиков.

Когда Оля на своём велосипеде скрылась из виду, Лютиков швырнул окурочек в урну и направился в полицейский участок. Там за столом дежурного, сидел сержант полиции, и с глубокомысленным видом изучая электрический чайник, который держал в руках.

– Что это ты Феденька, отец родной, взглядом чайник буравишь? – поинтересовался Лютиков.

– Выключатель у чайника поломался, – вздохнул, сержант, и поставил чайник на стол, – шеф взялся его починить и совсем доломал.

– Нехорошо Феденька, – укоризненно покачал головой Лютиков, – кажется, ты уже должен был понять, что Евгению Павловичу ничего в руки давать нельзя, ибо у него всё в руках горит. Вот и чайник сгорел.

– Как же не дашь, он же начальство! – развёл руками Феденька и покосился взглядом на дверь с табличкой: «Начальник отделения полиции «Чуваки» подполковник полиции Лошак Е.П.».

– А ты в следующий раз, когда он возьмётся что-либо починить, не давай ему, – наставлял сержанта Лютиков, – объясни, что его обязанность руководить и думать, а руками и ногами работать будем мы, его подчинённые.

Пока этот интересный диалог происходил в коридоре, в кабинете главный полицейский Чуваков, разглядывал себя в зеркало встроенное в дверцу шкафа. Одет Лошак был в форменную полицейскую рубашку, в наплечной кобуре с пистолетом. Водрузив на нос солнцезащитные очки типа «коп», Лошак выхватил пистолет и, держа его двумя руками, целясь в своё отражение в зеркале, тихо произнёс:

– Стоять полиция! Руки в гору!

Затем сунул пистолет обратно в кобуру, надел фуражку и стал рассматривать себя в зеркале. По всей вероятности видом своим Лошак оказался крайне доволен, ибо гордо произнёс:

– Шериф, настоящий шериф!

Раздался стук в дверь и Лошак вынужден был прекратить собственное созерцание. Он отправился к рабочему столу, предварительно положив фуражку и очки в шкаф. Вошёл Лютиков и сказал:

– Евгений Павлович, мы с вами в два часа, договаривались зайти к главе поселковой администрации, – сказал он.

Пока полицейские направляются в поселковую администрацию, хочу сказать немного о главе нашей администрации, или по новому, мэре Чуваков Женьке Штерне. Он бывший мой одноклассник. Мы даже корешились с ним, но в десятом классе, стали ухаживать за одной девчонкой и дружбе нашей пришёл конец. Кстати девчонка эта после школы уехала в город и вышла там замуж за какого-то маляра. Женька, окончив школу, отправился в Казань и поступил в институт. Там он связался с братвой, лет десять бандитствовал в Казани и Москве, а потом сел в тюрьму. Отсидев срок, он вернулся к нам в Чуваки с деньгами. Выкупил местный консервный завод, и несколько лет назад стал мэром Чуваков.

Штерн сидел в своём кабинете с главным врачом нашей больницы Алиной Мингазовной Кац. Необходимо сказать, что Женька много сил и старания приложил, что бы наша поликлиника ни развалилась, и не разбежался бы оттуда медперсонал. Более того, даже пробил стационар для Чуваков. Облздрав делал неоднократные попытки урезать ставки врачей-специалистов, но Женька как-то ухитрялся отбивать все эти атаки.

– Ну что Алина Мингазовна, врачей мы и в этот раз отстояли, – радостно потирая руки, говорил Штерн, – не сократят ни одной ставки. Теперь дело за малым, загрузить их работой.

– Я, следуя нашему плану, переговорила со всеми стариками посёлка, – сказала Алина Кац, – они согласны осенью, после уборки картошки лечь в профилакторий при больнице.

– Долго стариков пришлось уговаривать? – спросил Женька, откинувшись на спинку кресла.

– Почти все согласились сразу, – ответила Алина, – прикинули, какая будет экономия в газе, свете и еде. Питание-то в нашем профилактории для стариков бесплатное. Однако две старушки не согласились.

– Кто?

– Бабка Лупаниха и бабка Степанида, – пояснила Алина.

– А почему они отказались?

– Лупаниха боится оставлять своих кошечек, а бабка Степанида не хочет бросать подругу, – объяснила Алина.

– Лупанихе от больницы до дома двести метров! – изумился Штерн. – Хоть каждые десять минут бегай к своим кошечкам.

– Упрямые старухи. Ни в какую не соглашаются, – развела руками Алина.

Дальнейшее обсуждение бабок Лупанихи и Степаниды пришлось прекратить из-за появления полицейских. Евгений Павлович Лошак у нас в Чуваках работал совсем недавно, и пришёл познакомиться с мэром. Первый разговор их был недолог, и полицейские отправились дальше по своим делам.

– Не пойму я Евгений Павлович, – говорил Лютиков, шагая со своим начальником по улице посёлка, – как вы такой образованный человек, согласились приехать к нам в глухомань?

– Я работаю над докторской диссертацией, – пояснил Лошак, – а здесь в Чуваках самые благоприятные условия для сбора материала по моей теме.

– А какая тема?

– «Характер преступности и её взаимосвязь от категории населения проживающего на данном участке местности», – ответил Лошак, и, взглянув на Лютикова, принялся объяснять, – понимаете Александр Александрович. В зависимости от рода занятия населения, формируется определённая категория преступлений. Вот на примере Чуваков я и собираюсь показать эту тенденцию.

– Какая тут у нас может быть тенденция?! – изумился Лютиков. – Ну, случиться раз в год поножовщина по пьяному делу или банку огурцов из сарая стащат, вот и всё, – рассмеявшись, Лютиков продолжил, – правда, есть одна тенденция. Солёные огурцы и квашеная капуста у нас в Чуваках особенные. Каждая семья делает соленья по особенному рецепту, который передаётся из поколения в поколение. Нигде вы больше таких солений не попробуете. А особой преступности у нас, Евгений Павлович нет.

– А латентная преступность? – спросил Лошак.

– Какая преступность? – не понял Лютиков.

– Латентная, то есть, скрытая, не выявленная преступность, – пояснил Лошак.

– Такого у нас в отделении отродясь не бывало! – рубанул рукой воздух Лютиков. – Все сообщения мы обязательно регистрируем в журнал.

– Не об этом, – поморщился Лошак, – я имею в виду те преступления, о которых ничего не известно правоохранительным органам. Моя кандидатская диссертация называлась: «Организованная преступность в США: проблемы и тенденции». Между прочим амареиканская мафия поднялась на бутлегерстве.

– А что это такое? – полюбопытствовал Лютиков.

– Контрабандная торговля спиртным.

– Так это во времена «сухого закона» было, – блеснул своей эрудицией Лютиков. – А у нас? Захотел выпить, пошёл в магазин и купил.

– Ты знаешь Александр Александрович, что наш мэр Штерн, в начале девяностых годов в Казани входил в преступную группировку, которая свой первоначальный капитал заработала на фальсифицированной водке? – спросил Лошак. Посмотрев на Лютикова, он продолжил: – Потом эта группировка уже в Москве доросла до целого преступного сообщества.

– Так это когда было?! – развёл руками Лютиков. – Женька Штерн уже отсидел за это. Вы знаете, когда он тринадцать лет назад приехал сюда, здесь такая разруха была! Работы нет, все мужики пьют беспробудно. Вот тогда Евгений Павлович, вы для своей диссертации богатый материал собрали бы.

– И что? – критически хмыкнул Лошак.

– Как что! – изумился Лютиков. – Женька выкупил наш консервный завод, который уже давно на боку валялся. Оборудование новое поставил. Майера Ласкова учить на технолога в Москву отправил. Женька можно сказать из пепла завод возродил. А когда Майер Ласков, вернулся, они с Женькой такие дела закрутили! Сейчас продукция нашего завода по всей России нарасхват. Даже на импорт отправляем! У людей работа появилась, тут уж не до пьянки стало. Штерн школу отремонтировал, спортзал построил.

– А ты знаешь Александр Александрович, что сейчас появилось контрафактное элитное виски, которое не всякий специалист от настоящего отличит, – продолжал упорствовать Лошак.

– Ну, мы-то здесь причём?!

– Притом, что у нас в Чуваках консервный завод и мэр с криминальным прошлым, – пояснил Лошак.

– Между прочим, Женька как мэром Чуваков стал, консервный завод в управление Майеру Ласкову отдал, – парировал Лютиков.

За этой познавательной беседой они добрались до проходной консервного завода.

– Зайдём? – предложил Лютиков.

– Конечно, – кивнул Лошак, – я чувствую мафия здесь!

Начальник полиции оказался прав, в это самое время крёстный отец мафии, дон Карлеоне, говорил укоризненно:

– Мы знаем, друг друга много лет, но ты впервые обращаешься ко мне за советом и помощью. Я не помню, когда ты в последний раз приглашал меня к себе домой на чашечку кофе, – дон Карлеоне говорил хрипло и с укоризной.

– Я прошу прощения дон Карлеоне, у меня было много дел, – так же хрипло, отвечал ему, Майер Ласков. «Крёстный отец» был его любимым фильмом. Он смотрел его тысячи раз, беседуя с доном Карлеоне. Вот и сейчас, у себя в кабинете Майер Ласков разговаривал с крёстным отцом семьи Карлеоне.

Жизнь в Чуваках пресна и скучна, а для человека с именем почти таким же, как у знаменитого гангстера Майера Лански, это не выносимо. И Майер Ласков, как и Майер Лански, занялся созданием преступного Синдиката. Пока что в эту организацию кроме самого Ласкова, входил мастер Кудышкин, который в Синдикате отзывался на кличку Датч Шульц. Именно этот преступный Синдикат наладил производство элитного виски на консервном заводе Чуваков. Знали о Синдикате два человека: Майер Ласков и Датч Шульц. Тем временем дон Карлеоне обращаясь к гробовщику, с которым у себя в кабинете в день свадьбы дочери имел беседу, с укоризной говорил ему:

– Я знаю, в Америке ты нашёл рай....

В дверь кабинета постучали, и Майер выключил компьютер, по которому смотрел любимый фильм.

– Разрешите Майер Изяславович? – вошёл мастер Кудышкин. Он выглянул в коридор, и, убедившись, что их никто не сможет подслушать их, в ту же секунду превратился в датчанина Шульца. Он спросил: – Как товар?

– Идея, выдерживать виски-сырец в бочках из под яблочного сидра себя оправдала, – прохрипел Майер Ласков. Он встал, прошёлся по кабинету и продолжил: – Получился отличный, элитный виски «Глендфиддикс». Однако маленькую часть этой партии, ты Шульц испортил. Мы же договаривались сливать «башку» и «хвост» во время перегонки напитка, а ты пожадничал, и в части товара присутствует сивушный привкус.

– Сколько товара пропадает зря, – развёл руками Шульц.

– Мы делаем элитный виски и не можем обманывать нашего потребителя, – босс преступного Синдиката смотрел на Шульца с укоризной, так же дон Карлеоне, смотрел на гробовщика в фильме «Крёстный отец». Майер продолжил: – Испорченную партию разольешь как «Чивас Ригал».

– Понял босс, – кивнул Шульц.

Майер Ласков подошёл к окну своего кабинета, в это время по заводскому двору проходили Лошак и Лютиков.

– У копов новый шеф, – прохрипел он, – он мне не нравится.

– Он же ещё не успел ничего сделать босс! – воскликнул Шульц.

– Я знаю. Он приехал сюда, что бы бороться с нами, с мафией, – вздохнул Майер.

– Откуда такие сведения босс?

– Слухами земля полнится и интернет, – Майер Ласков, отошёл от окна, – я читал его кандидатскую диссертацию.

– Может, обойдётся босс? – предположил Шульц.

– Не обойдётся, – покачал головой Ласков. Он сел за свой рабочий стол, и продолжал: – Необходимо срочно весь товар с «точки» вывезти. Работать только с самыми надёжными бутлегерами. Товар переправишь в старую трансформаторную будку. Она возле кладбища и туда ни кто не сунется.

– Понял босс, – кивнул Шульц, – товар будут доставлять два самых надёжных бутлегера. Копам не справиться с ними.

–Хорошо, – ответил босс преступного Синдиката.

Он одел белый халат и шапочку, вмиг превратившись, в технолога Майера Ласкова. При этом заговорил нормальным голосом, перестав хрипеть, и как следствие, из кабинета сразу исчез мафиози Шульц, а остался мастер Кудышкин.

Тем временем, новый глава полиции, которого так опасался босс преступного Синдиката, стоял возле доски почёта. Под надписью «Наши рационализаторы» имелось две фотографии: сменного мастера Тимофея Ивановича Кудышкина (не путать с мафиози Шульцем) и механика Лосева Николая Кузьмича.

– Колюня Лосев, золотая голова, – хлопнул пальцем по фотографии Лютиков, – ещё бы не пил, цены б ему не было.

Именно в этот день «золотая голова» Колюня Лосев совершил большую ошибку. Придя утром на работу, он взял на складе двести грамм чистого спирта для протирки управляющего блока маринадной линии и употребил всё по назначению, то есть внутрь себя. После чего Колюня, применил так называемую «сухую» протирку: это когда на платы Колюня дышал спиртовым перегаром и протирали их. Но первоначально Колюня планировал потратить на свои нужды только пятьдесят грамм спирта. А вон, как вышло!

Колюне стало хорошо, даже слишком. Это его состояние эйфории бросилось в глаза старшему мастеру Нельке Уваровой.

Про Нелю нужно сказать особо. Она из той породы женщин, которые, как утверждал поэт Некрасов «есть в русских селеньях». Это именно они «...коня на скаку остановят, в горящую

избу войдут». Рука у Нели тяжёлая, за что Колюня Лосев прозвал её «Неля-кувалда». И сейчас эта Кувалда и обрушилась на бедного Колюню.

– Пил гад?! – схватила она за грудки несчастного механика. – Маринадный конвейер из-за тебя остановился!

– Неля Арнольдовна, да всё нормально, обычный технологичный сбой, – лепетал испуганно Колюня.

Всё дальнейшее происходило резко и грубо. Неля – кувалда, швырнула Колюню в проход между двумя конвейерными линиями. Тот пытался было требовать уважения к своему мужскому достоинству, но получил такой удар между лопаток, что перехватило дыхание. Колюня решил дальше не искушать судьбу и потрусил по проходу.

За всем происходящим наблюдал сменный мастер Тимоха Кудышкин и Колюня взглядом молил о заступничестве, но Тимоха смотрел хмуро и сосредоточенно, да и не Тимоха это был в тот момент, а Датчанин Шульц.

Было от чего хмуриться Шульцу. Копы снуют по заводу, а у него на самом виду, на складе готовой продукции лежат четыре коробки виски «Глендфиддикс». Одна надежда на пару бутлегеров, которые прорвутся через любые полицейские кордоны. Этими лихими бутлегерами были бабки Степанида и Лупаниха.

Наконец контрафактное виски были перегружены в сумки-тележки бутлегеров и шустрые бабульки заковыляли к проходной завода. Шульц в волнении наблюдал в окно, как они, семена, приближались к полицейским, но те лишь расступились и отдали честь бабулькам.

– Проскочили, – радостно заключил Шульц, видя, как бутлегеры скрылись за проходной. Неприятности миновали Синдикат.

Зато не миновал беды Колюня Лосев. В душевой цеха происходила экзекуция. Бедный Колюня стоял в одних семейных трусах и зывал к состраданию Нели-кувалды.

– Неля Аркадьевна, умоляю, не казните! Я всё исправлю.

Но напрасны были мольбы его, ибо инквизитор лишь мило улыбалась и говорила:

– Помилуй бог Колюня, разве контрастный душ это пытка? – и поливала из шланга Колюню.

– Контрастный?! – вопил тот. У него зуб на зуб не попадал от холода, и он стонал: – Да вы меня только холодной водой поливаете!

– Все мы не без греха, – вздыхала Неля-кувалда, – ты по пьянке за конвейером не проследил, я вот забываю тёплую воду включить.

Возразить Колюня не успел, в душевую, вошёл, технолог Ласков.

– Неля Аркадьевна вот вы где, а я вас по всему цеху разыскиваю. Где думаю наш старший мастер? – улыбаясь, сказал он.

– О чём вы говорите Майер Изяславович, какой это старший мастер?! Это старший надзиратель тюрьмы «Синг-Синг»! – вопил Колюня.

– Такой душ, Колюня, полезен, для твоей, нервной системы, изрядно расшатанной алко-голем, – Неля, продолжая поливать Колюню из шланга.

– Я буду жаловаться в Европейский суд по правам человека! – орал Колюня, прикрываясь рукой от тугой струи воды.

– А я пожалуюсь на твои пьянки Клаве, – парировала Неля, – посмотрим, кому быстрее прилетит, мне из Европы или тебе от Клавы.

Это было серьёзным заявлением. Жена у Колюни была женщиной суровой, и тот боялся её как огня.

– Неля Арнольдовна, да что вы сегодня какая?! – фальцетом заверещал Колюня. – Никаких шуток не понимаете.

– Ладно, шутник, иди, оботрись и что б вмиг исправил все, где напортачил, – Неля выключила воду и Колюня тут же испарился.

- Что у вас Майер Изяславович? – спросила Неля технолога
- Принёс новый техпроцесс на маринованные грузди, – ответил тот.

Жизнь в Чуваках шла своим чередом. Женька Штерн выбрав свободную минутку, навёстил своего друга Ваньку Уварова, который в спортзале тренировал команду боксёров из поселковых школьников. В полутяжёлом весе, тренировался в этой команде сынишка Женьки, двенадцатилетний Дамирка Штерн. Слово «сынишка» как-то не вяжется с Дамиркой. В свои двенадцать лет, он рослый, восьмидесятикилограммовый мальчишка, больше походил на взрослого парня. В эту зиму, Дамирку возили на чемпионат области по боксу среди юношей. Потребовалась справка от психиатра, которого в нашей поликлинике не было. Дамирку повезли в город, там врач, взглянув на него, потребовала паспорт. Когда ей объяснили, что мальчику всего двенадцать лет, и паспорта у него пока нет, психиатр направила Дамирку к наркологу, заявив, что такой здоровый парень, наверняка наркоман. Впрочем, эпизод этот вспомнился без всякой цели. Сейчас же Дамирка увлечённо лупил боксёрскую грушу.

Кивнув другу, Ванька крикнул своему младшему сынишке, который тренировался тут же:

- Эмиль, не сачкуй! Прыгай через скакалку, а не топчись на месте.
- Ну как мой сынишка? – спросил Женька.
- Талантливый мальчишка, не в пример папаше, – ответил Уваров.
- Не нарывайся юноша, – заметил Женька и тут же добавил, – сегодня новый начальник

полиции приходил знакомиться.

- Ну и как он тебе?

– Что тебе сказать Иван, – пожал плечами Штерн. Посмотрев на друга, он улыбнулся и продолжил: – Всё логично, у Чуваков, полицейским должен быть Лошак.

– Понятно, – кивнул Ванька, – увидим чего он стоит. Жизнь всё покажет. Как говорить: «Жизнь как депеша, коротка и полна ошибок».

- Всё-то ты шутишь, – вздохнул Женька, – завидую я тебе.

- Ты мне?! – удивился Уваров.

- Как-то у тебя всё ладно в жизни, – пояснил свою мысль Женька Штерн.

- А у тебя, что не так? – искренне удивился Ванька. – Деньги есть, жена красавица.

– Сейчас-то мне грех жаловаться, – согласился Женька. Помолчав, он продолжил: – Я когда из «зоны» освободился. Приехал домой и первым делом на могилку к матери пошёл. Ты же знаешь, она умерла, когда я на «зоне» чалился. Сижу так у могилы матери о жизни думаю: «Вот суетился всё бабла побольше загрести хотел. А в оконцовке что? Жена ушла, мать чужие люди похоронили».

- И что надумал?

– Знаешь Иван, как на кладбище хорошо о жизни думается? – улыбнулся Женька. – Решил я тогда в Чуваках остаться, дома-то всё лучше. И жизнь наладилась! В то лето я с Виолеттой и познакомился. Вернее знал её и раньше, как-никак на соседней улице жила, но девчонкой ещё была и я внимания на неё не обращал. А тут вскоре и ты, старый друг в Чуваки вернулся.

Копание в собственной душе, вещь заразная как гонконгский грипп, и Ванька, подхватив настроение друга, сказал:

– Я в отличие от тебя на кладбище не размышлял, но мысли похожие и в моей башке родились. Как тебе известно, я поездил на чемпионаты мира и Европы, но всё как-то мимо пьедестала. Когда со спортом завязал, помыкался в обеих столицах и решил домой на родину вернуться. Приехал и гляжу, соседская Нелька из угловатой девчонки в такую королеву превратилась. «Ну, – думаю, – надо жениться, иначе уведут», – рассмеялся Ванька, – интересно получилось, рыскал в дальних краях в поисках счастья, а нашёл его дома. Верно, говорить: «В жизни всякое бывает, да не каждому достаётся».

Пока Женька с Ванькой в спортзале предавались воспоминаниям, моя двоюродная сестра Галина Головачёва у себя во дворе кормила своё семейство. Состояла семья Галины из сына Кольки, девятнадцатилетнего балбеса, мужа Петра и его младшего брата Вовки. Впрочем, вот уже сорок лет, никто Вовку по имени не звал, а величали Огурцом.

В своё время братья Головачёвы, а было их трое: Дмитрий, Пётр и Владимир, были грозой Чуваков. Все трое пьяницы и драчуны, каких свет не видывал. Впрочем, в то время у нас в Чуваках было одно развлечение, хряпнуть самогонки и подраться за клубом. Митька Головачёв и считался у нас в Чуваках первым бойцом. Парнем он был видным, вот и влюбилась в него Галька. Вся наша родня встала на дыбы против её выбора, но Галька, ни в какую, настояла на своём. Вышла она за Митьку, родила сына Кольку.

Митька, женившись, не остепенился, и закрутила беспутная жизнь братьев Головачёвых так, что все трое больше по «зонам» отирались, чем на свободе гуляли. Намыкалась Галька со своим беспутным муженьком, и по всему было видно, что сынок, когда подрастёт, по дорожке вслед за папашкой пойдёт.

После очередной отсидки, Митька освободился раньше всех из братьев. Оглянулся он кругом и пришла в его бедовую головушку мысль, что годы просвистели в ожидание очередного звонка об освобождении из «зоны». И жизни уж конец недалёк, а он всё по кривой дорожке идёт. Взялся за ум Митька, устроился слесарем на консервный завод, стал ждать освобождения сына из «малолетки», и братьев из «зоны».

Первым освободился Петюня, и дома, имел он крепкий разговор со старшим братом своим. После этого, Пётр устроился работать водителем-дальнобойщиком. Тут как раз Полина, давняя зазноба Петьки, и Галькина подруга, от очередного мужа ушла. Всё к лучшему складывалось, да возьми Митька и умри.

А вот что случилось дальше у Головачёвых, мы все никак понять не могли. Спустя какое-то время, Петр вместо Полины, женился на Галине. Зажили они тихо и мирно. Вскоре освободился Колька, а совсем недавно Огурец. Теперь все четверо и живут.

Огурец, с аппетитом хлебая суп, спросил у Галины:

– Галка, а вот Петруха помрёт, ты за меня замуж пойдёшь?

– Ты чего мелешь придурок? – Петруха хмуро посмотрел на брата.

– А что, – продолжал Огурец, – Галка была за мужем за нашим старшим братом Митькой, он умер, она за темя замуж вышла, за среднего брата, на очереди я, младший.

Галина поставила на стол кастрюлю, из которого только что наливала суп, и залепила Огурцу такую затрещину, от которой тот слетел со стула. Сидя на земле, он потёр голову и спросил испуганно:

– Ты чего Галка шуток не понимаешь?

– Раз нет мозгов, то больше помалкивай, – хмуро заключила Галка и уселась обедать.

– За такие шутки Огурец, тебе весь штaketник во рту переломать надо, – заметил Петрусь, хлебая суп, – не маленький уже, следи за базаром.

– Вот ты Огурец всегда такой, – поддержал отчима Колян, – сморозишь, чего ни будь, как в лужу пукнешь, а потом всё удивляешься, откуда круги по воде?

Огурец встал и сказал сокрушённо:

– Простите меня Христа ради, родственники дорогие!

– Оно конечно Огурец не грецкий орех, извилин не имеет, но думать иногда надо, – заключила Галка, – ладно, не чего столбом стоять, садись, ешь.

Вновь наступил мир в фамилии Головачёвых. В это самое время и подошли к их забору Лютиков с Лошаком.

– Приятного аппетита семейство Головачёвых, – поприветствовал их Лютиков.

– Спасибо, отобедайте с нами, – предложил Петруха, как глава семьи.

– Огромное спасибо, но у нас дело к вашей соседке, – ответил Лютиков, вынимая из папки кие-то листки.

Необходимо пояснить, что Полина Денисова, соседка Головачёвых никак не могла простить Галине Петра, от того кончилась давняя их дружба. Увидев полицейских, она подошла к общему с Головачёвыми забору.

– Я тут Сан Саныч, – возвестила она.

– Полина Рудольфовна, мы по вашему заявлению, о сломанном заборе, – обратился к ней Лютиков.

Сообразив в чём дело, Петро сказал ей:

– Полина, я же отремонтировал твой забор.

– А кто тебе давал право его ломать?! Ты что муж мне, что б заборы ломать?! – упёрла руки в бока Полина.

– Так ведь, газовую трубу никак не проведёшь к нашему дому, не задев твой забор, – ответила Галина, убирая посуду со стола.

– Это не моё дело! – махнула рукой Полина. Смерив Петруху холодным взглядом, она добавила: – Как хотите, так и ведите свою трубу, а мой забор не трогайте!

– Тут вы не правы Полина Рудольфовна, – вмешался Лошак, – в данном случае, ваша соседка воспользовалась сервитутным правом¹, проводя газовую трубу через ваш забор.

От этих слов, Полина аж задохнулась от бешенства:

– У этой проститутки и права особые есть, серветутные называются! – Полина утёрла слёзы платком и продолжила: – А для меня, честной женщины никаких прав нету, ломай, круши мой забор.

– Да я тебе же отремонтировал тебе его, – развёл руками Петруха, – лучше прежнего стал.

– Мой забор крашенный был, а этот, – Полина кивнула на новенький заборчик, – пойдут дожди сгниёт всё.

– Я сегодня его выкрашу, – пообещал Пётр.

– Ну, раз забор ваш будет выкрашен, я думаю, все ваши претензии исчерпаны Полина Рудольфовна, – Лютиков положил заявление в свою папку. Указав рукой на Лошака, он продолжил: – А наш начальник отделения, Евгений Павлович Лошак вечером зайдёт к вам и проверит, как Пётр выполнил своё обещание.

– Вы, правда, зайдёте? – Полина схватила Лошака за руку.

– Зайду, – Лошак постарался отцепиться от Полины.

Та и сама оставила его в покое. Она взяла Лютикова за локоть, отвела в сторону и спросила:

– Сан Саныч, он и вправду не женатый?

– Правда, – сообщил шёпотом Лютиков. Уже громко, продолжил: – Ну, раз вопрос решён, то мы пойдём дальше.

Отойдя далеко от дома Денисовой и Головачёвых, Лютиков сказал:

– Подумать только, в юности Галька и Полина были лучшими подружками.

– Почему же поссорились? – спросил Лошак.

– Из-за Петра Головачёва. Он после последней отсидки с Галькой сошёлся. Этого подруге Полина простить и не может.

За разговорами полицейские дошли до окраин Чуваков, как раз с той стороны, где находится склад с банями-бочками. В это время троица алкашей-интеллектуалов доканчивала вторую бутылку водки. Завидев полицейских, Кац возвестил:

– Вон две личности к нам идут, прямиком из внутренних органов.

---

¹ Сервитутным правом – право ограниченного пользования чужим земельным участком.

– А это кажется новый начальник полиции? – спросил Пахомыч, приложив руку козырьком ко лбу.

– Он самый, – подтвердил Репнин.

– А Сашка Лютиков, стало быть, рылом не вышел в начальники? – осведомился Кац.

– Это потому что авторитета у него нет. И откуда взяться у Сашки авторитету, если он родом из здешних мест? – возвестил Пахомыч. – Какое у меня к Сашке может быть уважение, когда он ещё пацаном в футбол на школьном поле гонял, а я уже портвешку у клуба перед танцами жрал.

Дальнейшее обсуждение авторитета Лютикова пришлось прекратить, из-за подошедших полицейских.

– Здорово, интеллигенция, – поприветствовал пьяное общество Лютиков.

– Отойди Александр, ты заслоняешь мне Солнце, – не с того, ни сего, вдруг брякнул Кац. От такого «здрасте», сильно осерчал Лютиков.

– Ты что Кац, совсем попух?! – грозно надвинулся он на трудовика.

– Александр Александрович. Вам не за что раздражаться на этого гражданина, – вступился за Каца Лошак, – он лишь сравнил вас с Александром Македонским. Точно так же, сказал этому царю философ Диоген.

Сказав это, Евгений Павлович не только разрядил инцидент, но и подтвердил репутацию очень образованного человека, которая сложилась за новым начальником полиции в Чуваках.

– Однако граждане философы, распитие спиртных напитков в общественном месте, считается административным правонарушением, – закончил Лошак, а Лютиков присовокупил:

– Я вот скажу, Семён твоей жене, чем ты тут занимаешься.

– Граждане полицейские, не нужно делать никаких оргвыводов из нашего маленького фуршета, а мы здесь мигом всё приберём, – предложил компромисс Пахомыч.

– Думаю Александр Александрович, нам стоит принять это мудрое решение, – согласился Лошак, полностью исчерпав инцидент.

Домой Семён Кац возвращался, анализируя варианты предложений, позволяющие избежать сегодня визит к теще. На беду свою, повстречал он Паисия Селиванова. Персонаж этот в нашей истории совсем уж второстепенный, но с него-то она и началась. Нужно сказать, что в семье Селивановых, по мужской линии передаётся огромная любовь к пчёлам. Не миновала сия участь и Паисия с его взрослыми сыновьями, которых у него трое.

Пасека подразумевает уединение и пчёл, а жена Паисия не любит жизни без общества, потому живёт в Чуваках. К тому же очень она боится этих полосатых насекомых. Впрочем, речь не о ней, а о Паисие. Была у него ещё одна страсть, выискивал он везде, где только мог рецепты хмельных напитков из мёда, после чего потчевал ими своих друзей. Однажды, таким образом, угостил он меня медовухой. Сей янтарный напиток очень крепок и приятен на вкус. В силу этих обстоятельств, выпить его можно много, совсем не ощутив крепости.

Со мной это сыграло злую шутку. Саданув три ковша медовухи, я отправился домой и попал в «чёрную дыру» забвения. Что со мной происходило, и сколько я находился в этой самой «чёрной дыре», сказать не могу, но очнулся я в сортире. И благо бы в своём нужнике, так ведь нет, в соседском. Хозяин этого сортира, Мишка Колотозов, великан с кулакми-гирями, славится у нас в Чуваках как большой ревнивец. К счастью в тот день он был на рыбалке. Обнаруж он меня, что было бы?! К тому же Зинка, супруга моя, женщина сурового нрава и рука у неё тяжёлая. В моменты праведного гнева, бьёт она тем, что под руку попадётся. Как назло, под ругой у неё в те моменты, оказывается то скалка, то утюг или сковорода. В общем, избежал я тогда скандала и переломов исключительно по своему врождённому везению и раннему времени суток. Но пить медовуху Паисия с той поры зарёкся. Однако эта история не про меня.

Брёл себе Семён Кац домой, пока не повстречал Паисия.

– Здравствуй Семён Моисеевич. Давненько мы с тобой не виделись, – поприветствовал его пчеловод.

– День добрый Паисий Исидорович. Как же это ты решился бросить свою пасеку? – остановился возле забора Паисия Кац.

– Оставил своих пчёлушек на попечение сыновей, а сам решил, в банке попарится, – сообщил Паисий, – ты вот что Семён Моисеевич, зайди ко мне во двор на минутку

Когда Семён вошёл во двор к Паисию, то сообщил:

– Я ведь нашёл рецепт древнего славянского медового напитка, под названием «сурина» и сварил его, – Паисий налил из трёхлитровой банки полный ковш янтарной жидкости, – будь ласков, оцени.

– Давай выступлю в роли эксперта, – согласился Кац, принимая ковш. Осушив его, он заключил: – Хороша сурина. Налей-ка ещё.

– Тебе не хватит? – с сомнением спросил Паисий. – Она ведь только пьётся легко, а по голове бьет почище кувалды.

– Наливай! – скомандовал Кац. – У меня голова крепкая.

Выпив этак три ковша сурины, Семён попрощался с Паисием, и отправился домой, а пасечник в баню. Но не прошёл Семён и пяти шагов, как рухнул в бурьян, словно сражённый палицей².

По всей вероятности голова у Семёна действительно оказалась крепкой, потому как пролежал он в траве меньше часа. Открыв глаза, увидел он морду козла Афанасия. Наблюдать козла, Семёну не доставило удовольствия, он повернулся на другой бок и уткнулся в пяточок свиньи Милашки. Вся эта живность принадлежала семье Паисия.

Жена Паисия была помешана на чистоте, и в свинарнике у Милашки было стерильно как в операционной. Милашка от своей хозяйки переняла любовь к чистоте, и когда зоотехник заявил, что свинья должна быть в грязи, что бы уничтожить паразитов прячущихся у неё в щетине, жена Паисия, дала команду сыновьям, загнать Милашку в грязь. Те с гиканьем и криками принялись за дело и спустя десять минут в грязи были все, кроме Милашки. Та разве что слегка копытца попачкала. Я это лишь сказал к тому, что свинья была чистая, и Кацу нечего было злиться. Но он от чего, то возбудился.

Вскочив на ноги, Кац вбежал во двор Паисия. Схватил лежащий, на скамейке фонарик и выбежал на улицу. Там Семён Моисеевич стал пугать прохожих, светя им фонариком в лицо и крича:

– Всюду свиные рыла! Где люди?! Я не вижу людей?!

Происшествие это наделало много шума в Чуваках. Волнения продолжались до тех пор, пока дочери Каца не сбегали к маме в больницу, и она вколола успокоительный укол мужу. Каца на поселковой карете «скорой помощи» отправили в город, в наркологическую клинику.

Больше в этот день у нас никаких событий не произошло, за исключением того, что в восьмом часу вечера в Чуваки приехал Ринат Бикбов, брат Алины Кац.

Он известный в театральных кругах Москвы режиссёр. Его последний спектакль наделал много шума, Рината обвиняли, чуть ли не в порнографии. Вероятно, по этой причине он и решил спрятаться в Чуваках от всей этой кутерьмы. Слух о появлении в посёлке такой известной личности распространился мгновенно и в дом Розы-апы зачастили гости.

Наконец страсти понемногу улеглись, гости удалились, позволив Ринату побыть с матерью и племянницами – близняшками. Вскоре пришла и Алина Кац, покончив со всеми делами у себя в больнице.

– Ну, здравствуй братец, – сказала она, целуя Рината в щёку.

---

² Палица – древнее славянское оружие Кованная железом дубина. Происходит от уменьшительного славянского слова «пала», что на русский язык переводится как «дубина».

– Как дела у твоего мужа? – полюбопытствовал Ринат. Он был извещён о происшествии с Семёном Моисеевичем.

– А муж, объелся груш, – махнула рукой Алина, – допился до горячки, и я его отправила в город полечиться.

– Ты дорогая сестричка всегда выискивала, что ни будь необычное, – рассмеялся Ринат, – помню ещё в школе, нашла редкий цветок «анемонаструм пермский», а повзрослев, не изменила себе. Смогла найти пьющего еврея. Такого ещё поискать нужно. Впрочем, Россия страна парадоксов и мы имеем тех евреев, каких заслуживаем.

На том и закончился этот день в Чуваках, и я как мог, описал обыкновенных людей, с которыми произойдут необычные, я бы даже сказал мистические события.

***

На следующий день, около шести часов вечера, по федеральной трассе, которая проходит в километре от Чуваков, ехал КАМАЗ-фура. За рулём той фуры был Петруха Головачёв, а рядом с ним сидел Семён Моисеевич Кац в больничной пижаме.

– Это просто удача Пётр, что я тебя в городе повстречал, – радовался Кац. – Как бы я в больничной пижаме, без денег до Чуваков добрался?

– Зачем же ты Семён Моисеевич из больнички сдёрнул?

– А ты что не знаешь? Моя жена, меня в наркологическую клинику упекла.

На это замечание Петруха лишь пожал плечами и Кац продолжил:

– Оно конечно хорошо, седуксенном организм почистить от алкоголя, после этого лёгкость в теле такая, что летать охота.

– Тогда зачем же ты на лыжи встал? – удивился Петруха.

– Аalinkа желает, что бы мне «торпеду» вшили, – ответил Кац, – а мне сейчас «торпедироваться» никак нельзя, юбилей у меня через неделю, полтинник стукнет. Такое событие! Вот справлю юбилей, тогда, пожалуйста.

– Так ведь только ты домой явишься, тебя Алина Мингазовна под белы ручки возьмёт и опять в больничку отправит, – рассмеялся Петруха.

– Я же не совсем деревянный, что бы домой идти, – улыбнулся Семён Моисеевич, – перекантуюсь пока у Митрофанушки, кладбищенского сторожа.

– Из больнички позвонят и сообщат, что ты сбежал, – не унимался Петруха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.